

ТАДЕУШ ДОЛЕНГА-МОСТОВИЧ

ЗНАХАРЬ

Польша, XX век. Жизнь профессора Вильчура, гениального хирурга, рухнула в одночасье. Он потерял все: семью, профессию, себя... В годовщину свадьбы обожаемая жена ушла к другому, забрав и дочь. В тот же вечер Вильчура до полусмерти избили бандиты и он оказался на улице без денег, документов — и без памяти. Теперь он не знает даже собственного имени... После нескольких лет скитаний бывший профессор находит приют в семье мельника. Хотя Вильчур не помнит, кто он такой, руки его знают свое дело — и постепенно молва о великом целителе разносится по всей округе. Однажды он встречает девушку, которая вызывает в нем смутные воспоминания... Когда Марыся попадает в аварию, знахарь понимает: чтобы спасти ее, он должен совершить невозможное.

Пальцы знахаря быстро ошупали неподвижное тело девушки, ребра, ключицы, позвоночник и снова вернулись к голове. Едва они прикоснулись к затылку, где голова переходит в шею, как Марыся вздрогнула раз, другой...

Теперь он уже знал: вдавленный перелом основания черепа.

Если мозг не поврежден, то неотложная операция еще могла бы помочь. Могла бы... оставалась слабая надежда... но все-таки надежда.

Знахарь вытер потный лоб тыльной стороной ладони. Его глаза остановились на тех примитивных инструментах, которыми он пользовался до сих пор. Он ясно отдавал себе отчет, что с их помощью не сможет сделать столь сложной и опасной операции.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3107-3

9 785991 031073

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-8306-3

9 789661 483063

ЗНАХАРЬ

ТАДЕУШ ДОЛЕНГА-МОСТОВИЧ

ТАДЕУШ ДОЛЕНГА-МОСТОВИЧ

ЗНАХАРЬ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

**Тадгеуш
Доленга-Мостович**

ЗНАХАРЬ

ЗНАХАРЬ

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2014

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.162.1
ББК 84.4Пол
Д64

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Dołęga-Mostowicz T. Znachor : Powieść /
Tadeusz Dołęga-Mostowicz. — Prószyński i S-ka, 1996

Перевод с польского *Дины Коган*

Дизайн и иллюстрация на обложке *Натальи Струковой*

Художник *Александр Семякин*

ISBN 978-966-14-8306-3 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3107-3 (Россия)
ISBN 83-86868-39-2 (пол.)

© Nemiro Ltd, издание на
русском языке, 2014
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2014
© ООО «Книжный клуб
“Клуб семейного досу-
га”», г. Белгород, 2014

Врач должен обладать глазом сокола, руками девушки, мудростью змеи и сердцем льва. По крайней мере, так утверждал светило врачебной науки Авиценна...

Герой романа «Знахарь» профессор Вильчур обладал чем-то бóльшим: большими толстыми руками, огромной медвежьей фигурой и феноменальным талантом, граничащим с гениальностью. Отдали бы вы в его широкие грубые ладони свое сердце, если бы от этого зависела ваша жизнь? Ответ положительный — с первых страниц романа «Знахарь», с первых кадров одноименного фильма Ежи Гоффмана. Конечно же, в условиях стерильной операционной, где воздух насквозь пропитан елейным запахом хлороформа, а благоговейная тишина нарушается лишь стуком металлических инструментов о стеклянный стол, человек в слепительно-белом халате совершает вполне ожидаемое чудо. Булгаковский профессор Преображенский напрочь отказывался оперировать в комнате для прислуги, принимать пищу в спальне, читать в смотровой, одеваться в приемной и осматривать пациентов в столовой. До поры до времени варшавский хирург Рафал Вильчур, детище Доленги-Мостовича, тоже не помышлял ни о чем подобном: гонорары, эквивалентные новому корпусу для больницы и Канарским островам для жены и дочери, позволяли ему четко разграничивать, в том числе и на бытовом уровне, жизненное пространство и профессиональную сферу. Не помышлял он об этом и после, лишившись всего: жены, дочери, имения, имени, — когда отработанным движением ломал неправильно сросшиеся кости

юноше-калеке, чтобы сложить их вновь, не заботясь о том, что оперирует пилой, долотом и парой подходящих ножей, на столе, будь он кухонным или обеденным, а в качестве перевязочного материала использует простыни. Если бы память, которую из него «выбили» тяжелым ударом по затылку грабителя, вернулась к профессору Вильчуру, а ныне батраку Антонию Косибе, он бы знал, откуда в нем и этот дар, и этот благородный риск. Как раньше он без страха брался за лечение пациента, от которого отказывались лондонские, парижские, берлинские и венские специалисты, так и теперь исправляет ошибки уездного доктора, которого ни инструменты, ни медицинское образование не делают Врачом.

Итак, столичный хирург предстает перед нами в ипостаси народного целителя. Простой люд приписывает ему сверхъестественные, магические знания, не ведая, как и он сам, сколько лет лжеАнтоний в действительности посвятил изучению медицины и врачебной практике. А местные власти, пребывая в аналогичном неведении, осуждают за «незаконное врачевание» и воровство. Ведь что есть знахарство в понимании просвещенного человека, живущего в начале XX столетия? Средневековые суеверия. Темное невежество. Варварство. Преступные практики. Шарлатанские уловки. Бессмысленное бормотание. Вздорные заклинания и заговоры. Травяные настойки. Добровольно-принудительные подношения. Обирание бедноты. Более двухсот смертных случаев в уезде за два года, если говорить языком цифр, то и дело срывающихся с уст свидетеля обвинения! Что и говорить, аргументов на три года тюрьмы, которой уездный доктор Павлицкий давно грозил конкуренту. Да-да, конкуренту. Ведь число знахарей в то время и так превышало число медиков, а тут еще в окрестностях объявился этот Косиба — удачливый «шарлатан», отбиривший до двадцати пациентов в день и имевший наглость похитить саквояж с хирургии-

ческими инструментами, когда понял, что для трепанации черепа ему не обойтись слесарным молотком, долотом, клещами, кухонным ножом или садовой пилой.

И в самом деле, как же кристально честный¹ Антоний Косиба решился на кражу? Возьмем на себя роль уездного адвоката Макалая, который сам едва ли с ней справится. Будь Косиба настоящим самородком, всамделишным шептуном и травником, смягчающим обстоятельством послужил бы страх перед невыносимой агонией и Судным днем, ведь славный лекарь жил бобылем, не имел ни семьи, ни последователей². Но ведь мы с вами знаем, что для врача от Бога спасать человеческую жизнь — дело настолько привычное, что в ход идет все: облитое кипятком зубило, если его будет достаточно, или стерилизованные хирургические инструменты, даже если их придется украсть. Поэтому у таких специалистов нет безнадежных больных. Поэтому Смерть всегда стоит у ног их пациентов³ и они раз за разом ставят ее на колени.

Вынесут ли оправдательный приговор Антонию Косибе? Едва ли. А как насчет профессора Рафала Вильчура? Будет судья суров или благосклонен к нему? Сам ли профессор вспомнит, кто он такой, или его назовет по имени человек из его блестящего прошлого? Какую часть из его жизни удастся вернуть? Трудно сохранить интригу, когда речь идет о тексте столь

¹ О неизвестном суду инциденте с выкраденным удостоверением личности пока умолчим и мы: не пойман — не вор.

² Многие из знахарей и ведунов передают свои знания по наследству из рода в род. Существует предание, что знахарь, не успевший передать своего искусства, испытывает тяжкие предсмертные муки и нередко встает после смерти из гроба. — Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907.

³ Считается, что, если смерть стоит у изголовья больного, его уже не спасти, если же у изножья — человек выздоровеет. Этот мотив звучит в сказках многих народов мира.

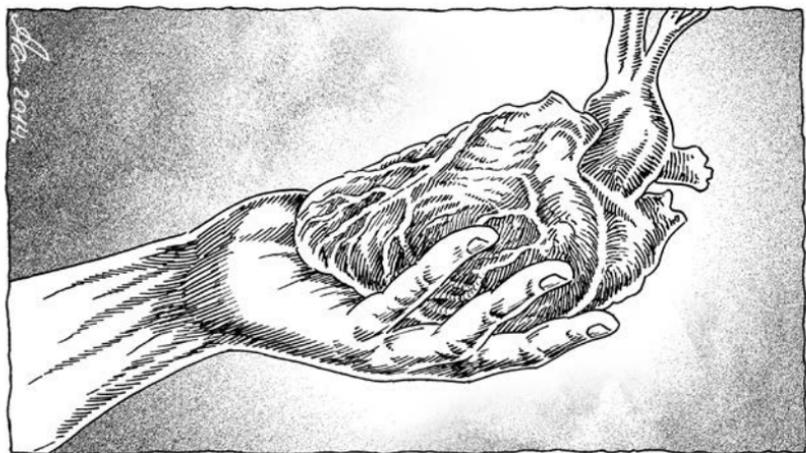
широко известном, об экранизации столь популярной, о героях, вошедших в каждый дом на правах родных. Возможно, поэтому стоит подробнее остановиться на личности создателя книги и «отце» любимых персонажей, чье имя не так «гремело» у нас, как имя того же Ежи Гоффмана. А ведь в истории жизни и даже в большей степени в обстоятельствах смерти польского писателя, журналиста и сценариста Тадеуша Доленги осталось много неразгаданных тайн.

Если вам случится побывать в Беларуси, обязательно посетите г. Глубокое, где на доме № 2 по ул. Советской установлена мемориальная доска в память Доленги-Мостовича. В этом здании будущий писатель жил с родителями, прежде чем поступить в Киевский университет.

С 1919 года Мостович — доброволец в польской армии, с 1922-го — корреспондент, а потом и редактор варшавской газеты «Rzecz Pospolita», фельетонист, подписывавшийся псевдонимом Т. М., в дальнейшем — Доленга.

Известность обрушилась на Мостовича начиная с дебютного романа. «Знахарь» — седьмое по счету литературное произведение Тадеуша, на тот момент уже снискавшего славу автора искрометной общественно-политической сатиры, и — хорошая новость — не последнее, где фигурирует профессор Вильчур. С 1934 года Доленга-Мостович активно сотрудничает с кинематографом. К 1939 году из 16 его произведений было экранизировано восемь.

Во время Второй мировой войны Доленга-Мостович близ румынской границы организовал милицию, которая в отсутствие власти обеспечивала общественный порядок и безопасность жителей городка Куты. Писатель трагически погиб в сентябре 1939 года. Для его биографов до сих пор остается загадкой, был ли он расстрелян в упор советским солдатом или же погиб под Львовом от шальной пули...

ГЛАВА 1

В операционной стояла полная тишина. Иногда ее прерывал резкий короткий стук металлических инструментов о стеклянный стол. Воздух, разогретый до тридцати семи градусов Цельсия, был пропитан сладковатым запахом хлороформа и сырыми испарениями крови, и эта невыносимая смесь, проникая через хирургические маски, наполняла легкие. Одна из санитарок потеряла сознание и лежала в уголке, но никто не мог отойти от операционного стола, чтобы привести ее в чувство. Не мог и не хотел. Три ассистирующих врача внимательно смотрели только на разверстную алую дыру, над которой медленно и, казалось, несколько неловко двигались большие толстые руки профессора Вильчура.

Каждое движение этих рук, даже едва заметное, следовало понимать мгновенно. Каждое бурчание, время от времени исходившее из-под маски, содержало точные указания, которые ассистенты ловили на лету и тут же выполняли.

Ведь борьба шла не только за жизнь пациента, но за нечто гораздо более важное: удача этой безумной, практически безнадежной, операции означала бы новый великий триумф хирургии и принесла бы еще бóльшую славу не только профессору, не только его больнице и ученикам, но и всей польской науке.

Профессор Вильчур оперировал порок сердца. Он держал этот орган в левой ладони и ритмичными движениями пальцев без усталости массировал его, потому что сердце все время останавливалось. Сквозь тонкую хлопчатобумажную перчатку он ощущал каждое подрагивание, каждое легчайшее бульканье, ведь клапаны отказывались работать, и он немеющими пальцами заставлял их слушаться. Операция продолжалась уже сорок шесть минут. Анестезиолог, доктор Марчевский, неустанно заботившийся о состоянии больного, уже шестой раз вводил пациенту под кожу иглу, впрыскивая камфару с атропином.

В правой руке профессора, совершавшей скупые и точные движения, снова и снова поблескивали ланцеты и ложки. К счастью, дефект не слишком глубоко проник в сердечную мышцу и имел форму небольшого правильного конуса. Жизнь больного можно было спасти. Только бы он продержался еще восемь-девять минут.

«А все-таки больше никто из них не отважился!» — задиристо подумал профессор. Да, никто — ни один хирург в Лондоне, Париже, Берлине или Вене. Больного привезли в Варшаву, поскольку все остальные отказались от славы и огромного гонорара. А этот гонорар означал новый корпус больницы и, что гораздо важнее, выезд Беаты с малышкой на Канарские острова. На всю зиму. Тяжело ему придется тут одному, но для них это будет прекрасно. Нервы у Беаты в последнее время просто никуда не годятся...

Синегато-розовая подушка легких вздулась от спастического вдоха и вдруг опала. Еще раз, второй, третий. Кусочек живого мяса в левой ладони профессора затрепетал. Из крошечной ранки в фиолетовой пленке выступило несколько капелек крови. В глазах всех присутствующих заметался страх. Раздалось тихое шипение кислорода, и игла снова вошла под кожу больного. Толстые пальцы профессора ритмично сжимались и разжимались.

Еще несколько секунд — и ранка была очищена. Теперь дело должна была закончить тонкая хирургическая нить. Один шов, другой, третий. Просто не верилось, что эти огромные руки способны на такую точность. Хирург осторожно вложил сердце на место и некоторое время внимательно вглядывался в него. Оно увеличивалось и опадало в неровном ритме, но главная опасность была уже позади. Профессор выпрямился и подал знак. Из вороха стерильных салфеток доктор Скуженъ извлек выпиленную часть грудной клетки. Еще несколько необходимых процедур — и профессор вздохнул с облегчением. Остальное сделают ассистенты. Он мог целиком положиться на них. Поэтому, отдав нужные распоряжения, Вильчур вышел в раздевалку.

Он с наслаждением втянул нормальный воздух, снял маску, перчатки, забрызганные кровью халат и форму, потянулся. Часы показывали тридцать пять минут третьего. Он снова опаздывал на обед. И еще в такой день! Правда, Беата знала, как важна сегодняшняя операция, но опоздание в столь значимый день, безусловно, будет ей очень неприятно. Сегодня утром, выходя из дома, он сознательно ничем не выдал, что помнит, какая это дата: восьмая годовщина их свадьбы. Но Беата знала, что он не мог забыть ее. Каждый год в этот день она получала

какой-нибудь прекрасный подарок, и с каждым годом, по мере роста его славы и благосостояния — все более дорогой. Вот и сегодня в кабинете на первом этаже наверняка уже лежит новый подарок. Меховщик должен был прислать утром...

Профессор спешил и переоделся быстро. Ему еще надо было заглянуть к двум больным на третьем этаже и к только что прооперированному пациенту. Доктор Скужень, который неотлучно находился при больном, коротко отрапортовал:

— Температура тридцать пять и девять, давление сто четырнадцать, пульс очень слабый, с легкой аритмией, шестьдесят-шестьдесят шесть.

— Слава богу, — улыбнулся в ответ профессор.

Молодой врач влюбленным взглядом окинул огромную фигуру своего шефа, немного смахивавшую на медвежью. Он был его студентом в университете, помогал в подготовке материалов к научным трудам, которые писал профессор. А когда Вильчур открыл свою собственную больницу, доктору Скуженю было предоставлено широкое поле деятельности и обеспечена хорошая зарплата. Может, в глубине души Скужень и жалел о том, что шеф так внезапно отказался от амбиций ученого и ограничился отработкой часов в университете и зарабатыванием денег, но никак не мог на этом основании меньше ценить профессора. Ведь он, как и все в Варшаве, прекрасно знал, что профессор делал это не ради себя, что он трудился, не жалея сил, как раб на галерах, никогда не боялся взять на себя ответственность, а зачастую еще и совершал чудеса, подобные сегодняшнему.

— Профессор, вы гений, — убежденно произнес Скужень.

— Дядя, что с тобой, что с тобой? — шептала испуганная Марыся.

— Мариола, доченька моя... доченька моя, — проговорил он наконец ломающимся, дрожащим голосом и разразился рыданиями.

Они не могли удержать его тяжелое, совершенно обесилевшее тело и как можно осторожнее опустили Антония на землю. Слова, которые ему удалось вымолвить, вызвали у них удивление; особенно поражена была Марыся, когда он назвал ее тем самым именем, которым давным-давно, причем крайне редко, в минуты особой нежности и ласки, называла ее мать. Но у них не было времени выяснять эти обстоятельства. Стоя на коленях в снегу, согнувшись и прижав ладони к лицу, знахарь продолжал рыдать.

— Мы должны отнести его до саней, — решил Лешек, — я сбегая за кучером, потому что мы сами не справимся.

Он уже хотел идти, когда в аллее показался профессор Добранецкий. Его неожиданное появление тут удивило и обрадовало их.

— Мое почтение, господин профессор! — начал Лешек — У него случился какой-то нервный припадок. Что нам делать?..

Но Добранецкий стоял молча и неподвижно, вглядываясь в табличку на кресте.

— Надо перенести его в сани, — вмешалась Марыся. Добранецкий покачал головой.

— Нет, позвольте вашему отцу выплакаться вволю.

И, видя широко раскрывшиеся от изумления глаза обоих молодых людей, добавил:

— Да, это ваш отец, профессор Рафал Вильчур... Слава богу, память к нему вернулась... Давайте отойдем в сторонку... Ему надо позволить выплакаться.

Пока они стояли неподалеку, Добранецкий короткими рублеными фразами рассказал им всю историю.

А между тем слезы явно принесли знахарю облегчение. Он тяжело поднялся с земли, но не отошел. Марыся подбежала к нему и прижалась лицом к его плечу. Она ничего не видела, потому что слезы заливали её лицо, но слышала его тихий голос:

— Ниспошли ей, Господи, вечный покой...

Солнце заходило, все небо на горизонте сияло алыми и золотыми красками, а по снегу протянулись голубоватые тени — первое прикосновение ранних зимних сумерек.

Літературно-художнє видання

ДОЛЕНГА-МОСТОВИЧ Тадеуш
Знахар
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. О. Григор'єва*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. О. Григор'єва*

Підписано до друку 09.10.2014. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84. Наклад 10000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ДОЛЕНГА-МОСТОВИЧ Тадеуш
Знахарь
Роман

Главный редактор *С. С. Скляр*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *О. О. Григорьева*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Вережкин*
Корректор *О. О. Григорьева*

Подписано в печать 09.10.2014. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»:
308015, г. Белгород, ул. Пушкина, 49А

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москва АО
141008 г. Мытищи, ул. Колпакова, д. 26, корп. 2
Тел./факс +7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями
«Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»»
61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киевский филиал

04073, г. Киев, пр. Московский, 6, комн. 35,
тел. +38 (067) 575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесский филиал

65017, г. Одесса, ул. Малиновского, 16-А, комн. 109
тел. +38 (067) 572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:
тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:
тел. +7 (4722) 78-25-25
e-mail: info@ksdbook.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

Початок ХХ століття, Польща. Геніальний хірург Рафал Вільчур мав усе: обожнювану дружину і доньку, улюблену роботу, світову славу... Але трагедія зламала його життя — і блискучий лікар опинився на вулиці, втративши близьких, професію і... пам'ять. Вільчур не пам'ятає, хто він такий, але відчуває, що може лікувати людей. Після того як він поставив на ноги безнадійного калеку, про нього почали говорити як про великого знахаря. Одного разу він зустрів дівчину, яка смутно нагадала йому когось із минулого. Коли вона потрапляє в аварію, Вільчур розуміє, що повинен будь-що врятувати її — навіть ціною злочину...

Доленга-Мостович Т.

Д64 Знахарь : роман / Тадеуш Доленга-Мостович ; пер. с польск. Д. Коган ; предисл. Т. Куксовой ; худож. А. Семякин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2014. — 416 с. : ил.
ISBN 978-966-14-8306-3 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3107-3 (Россия)
ISBN 83-86868-39-2 (пол.)

Начало ХХ века, Польша. У гениального хирурга Рафала Вильчура было все: обожаемая жена и дочка, любимая работа, мировая известность... Но трагедия сломала его жизнь — и блестящий врач оказался на улице, потеряв близких, профессию и... память. Вильчур не помнит, кто он такой, но чувствует, что может лечить людей. После того как он поставил на ноги безнадежного калеку, о нем пошла слава как о великом знахаре. Однажды он встретил девушку, которая смутно напомнила ему кого-то из прошлого. Когда она попадает в аварию, Вильчур понимает, что должен спасти ее во что бы то ни стало — даже ценой преступления...

УДК 821.162.1
ББК 84.4Пол